

... И куклы превратились в людей

КАКУЮ роль играет в жизни поэта любовь — счастливая? Несчастливая? Неразделенная? Взаимная? До гроба? С первого взгляда? Страстная? Платоническая?

Мнения биографов Генриха Гейне о его первой любви расходятся в диаметрально противоположных направлениях, едины они только в одном: она была абсолютно несчастной. Парнишка, приехавший в Гамбург получать профессию, не имел ни гроша за душой и жил в доме своего дяди и благодетеля. У дядюшки была дочь Амалия. Отличалась ли она красотой, точно не известно, а вот в том, что девица была весьма самоуверенна, сомнений нет. Она не снисходила до молодого кузена и не принимала всерьез его ухаживания.

Женитьба на Амалии сразу решила бы множество проблем Генриха, дав ему финансовую независимость, освободив от страха перед будущим, упрочив положение в обществе. Ничего этого не могла предложить ему собственная семья — отец, неудачливый торговец, и мать, честолюбивая дочь врача. Однако потенциальный тесть имел на дочь другие виды, считая ее достойной лучшей партии. Он не жалел усилий, чтобы держать Амалию подальше от племянника. Эту социальную подоплеку

отвергнутой любви Генрих отражал в стихах:

У вас вечеринка сегодня,
И дом сияет в огне,
И твой силуэт освещенный,
Я вижу, мелькает в окне.

Но ты не глядишь и не видишь
Меня в темноте под окном.
Еще труднее заметить,
Как сумрачно в сердце моем.

А сердце печалью томится,
И кровь сочится опять,
И любит, и рвется на части...
Но это тебе не выдать.

(Перевод Ал. Дейч)

Лирический герой его стихов любит издалека, смерть и свадьба — близкие соседи. Здесь нет недостатка в гробах, подвенечных платках и кладбищенской меланхолии — и над всем царит светлая насмешливая улыбка. Это признание в безнадёжности любви, но все же оно напоминает мелодраму, в которой дело кончается свадьбой. Любовь Гейне еще молода, романтична, это воплощенные мечты, а не любовь земная. Ведь все мы в юности хотим быть только богатыми и только счастливыми.

Когда поэт покинул Гамбург и уехал в Гёттинген, чтобы учиться, он не взял с собой даже воспоминаний — за неимением таковых.

К 200-летию Генриха Гейне

Но разбитая мечта ранит куда больнее, чем действительно пережитая разбитая любовь — ведь еще нет целительного опыта, который можно было бы призвать на помощь. Лечит только время, а оно еще только должно пройти... Еще далек тот день, когда он напишет своему другу П. Зете о том, чем отличается более поздний цикл стихов «Песни» от ранних стихов из цикла «Сновидения»: «Совершенно очевидно, что они нежнее и слаще, словно боль, окунувшаяся в мед».

Но такая боль проходит лишь тогда, когда вместе с ней отмирает кусочек души. Первое неразделенное чувство опасно еще и потому, что ведет к самоуничтожению. «Теперь я понимаю, — открывает Генрих в одном из писем того времени, — что люди — дураки, если сетуют на большую боль. Не боль велика, а мала глупость, которая должна ее вместить».

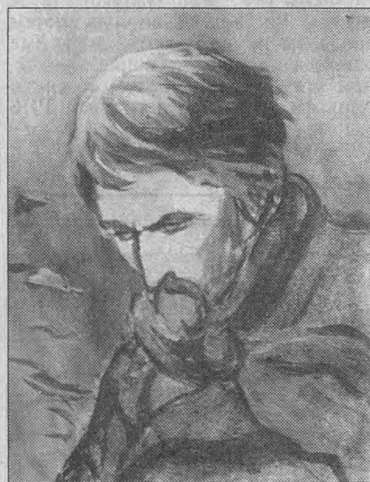
Через 20 лет в Париже Гейне все так же пишет стихи — но их пишет уже совсем другой человек. Он лишился наивности и невинности, с какими скитался по своему саду заблуде-

ний до тех пор, пока сбил в кровь не только ноги, но и сердце и душу. Он получал раны, но и возможность реально осуществить реальные желания, постоянно держать экзамен: где твой предел, на что ты способен? Какая бесконечная, какая веселая игра!

Нетерпеливое ожидание возлюбленной, яростная надежда, падение, флирт, игра возможностями — таковы теперь темы его стихов. Автор изображает себя чуть ли не Дон Жуаном, что еще при жизни отнюдь не шло на пользу его репутации. Как писали критики в 1840 году, Гейне «даже в поэзию ввел непристойность и распущенность»: он воспе-

вал плотскую любовь как высшее наслаждение, не нуждающееся в романтическом ореоле и даже в церковном благословении. Гейне прославил чувственную страсть и «узаконил» место в лирике таких прозаических вещей, как умирание чувств, уменьшение сексапила (хотя такого слова в ту пору не знали), взаимная скука и непри-

Этот рисунок молодого Гейне относится к студенческим годам в Гёттингене.

Генрих Гейне.

Художник Д. Бисти.

ятные чувства, оставляемые иногда эротическим опытом. За все это его осуждали. Ему не прощали, что в своей поэзии он соединял несоединимое, то, что нравы и законы так тщательно разграничивали: политику и быт, религию и непокорность, трагичное и смешное, агрессию и любовь, любовь и зов плоти, сердце и желудок. Гейне был первым после долгого перерыва материалистом любви, ее первым реалистом.

Сегодня этому гонимому поэту было бы легче жить. За прошедшее время мы научились делать различие между тем фривольным, отгалкивающим, отвратительным, что стало объектом искусства, и той выразительностью, эмоциональностью, точностью, тем мастерством художника, ко-

торые стали эстетической удачей. Во времена Гейне не спрашивали: существует ли это в действительности? Хорошо ли это описано? Задавали совсем другой вопрос: имеет ли право такое существовать и если да, то зачем это отображать?

Точное, правдивое описание мира любви сделало лирику Гейне уникальной для своего времени. Он гораздо более решительнее, чем современники, отстаивал точку зрения, что любовь — чувственное удовольствие, рай на земле и возвышенная повседневность. У Гейне нет и следа пренебрежения к женщине, которым проникнуты буржуазные сонеты. У него впервые женщины — самодостаточные создания, роль которых не ограничивается томным «да» и своевременным обмороком. Они излучают желание и отвечают на желание, обладают чувствами и подпадают под их власть, бросаются в авантюры и осознанно выбирают себе партнеров, у них есть и сердце, и желудок, они из плоти и крови и абсолютно равноценны мужчинам. В поэзии Гейне куклы превратились в людей.

Амалия не приласкала молодого Гейне, да он и не мог похвастаться шелковой шерсткой. Он был одинок и несчастлив. Но, может быть, и это тоже стало одной из причин того, что зрелый Гейне ввел в лирику нечто качественно новое для своего времени: любовь земную.

«Цайт», Гамбург.

За рубежом, — 1997, — 5-10 дек. — с. 14, 15